

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №47
30.04.2026 г.

Виталий ЗИНЧЕНКО

* * *

Как же мы были наивны и
молоды,

Сердце об этом стучит.

Тихие улочки нашего города

Часто мне снятся в ночи...

Там пролетели и детство, и

молодость,

Жили мы там и росли.

Как же мне дороги улочки

города –

Память родимой земли.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

* * *

Слова, как листья, зря не
ворошите –

У них одна есть общая черта:

Когда их много, сколько ни

ищите,

Под ними нет созревшего

плода.

Людмила СТАРОДУБЕЦ

СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТOK

Только снег в саду растает –

Одуванчик вырастает.

Словно солнышко в окошке,

Одуванчик на дорожке.

Жёлтый скромный цветок,

А созреет – как пушок.

Станет ветерок гулять –

Начнут зонтики летать:

Приземляются в лесочке,

На полях, в моём садочке.

И весной каждый год

Одуванчик вновь цветёт.

Словно солнышко сияет –

Одуванчик расцветает!

Любим мы простой цветок,

Варим из него медок.

Он, как тот цветок из сказки, –

На ночь закрывает глазки.

Страницу подготовил
Константин Попов

Валентина БАСОВА СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

– Маша очень несчастна?

– Маша?! – удивляется и возмущается

Александр. – Что ты, не такой она человек!

После школы-то, правда никуда не поехала, на ферме стала работать, да от тебя вестей ждала. И, знаешь, почему-то была уверена, что ты напишешь... Потом уж в академию поступила, выучилась заочно. И вот уж десять лет, как у нас директором совхоза работает. В прошлом году Героя присвоили. Вот она какая Маша.

Потом мы на кухне пили чай и Александр неторопливо рассказывал:

– Ты теперь не узнаешь нашу Мокеевку. В центре дома трёхэтажные, площадь большая с фонтаном, кругом асфальт. Приехал бы посмотреть.

– Приеду, – пообещал я не очень уверенно, а про себя подумал, что вряд ли дела позволят выбраться хоть на денёк, да и родных у меня там никого не осталось.

Александр в который раз читает мои мысли и говорит:

– Знакомых у тебя там пол-деревни. Наш-то класс, почитай, весь в Мокеевке. Маша, как стала директором, со всеми списалась, всех к себе перетянула, многих учиться от совхоза отправила, квартиры всем дала. Вас только пятеро по свету скитаются.

– Так уж и скитаются, – улыбаюсь я его категоричности. – А ты сам-то хорошо живёшь?

Он утвердительно машет головой и с удивлением смотрит на меня. А я в душе протестую на его немой вопрос. Мне не на что жаловаться, у меня очень интересная и ответственная работа, я полмира объехал. Жизнь повидал во всех её проявлениях – у меня есть всё, что нужно нормальному человеку для счастливой жизни. Но Александр, видимо, другого мнения.

– Квартира, звания – это всё тфу-у! Ты же наш, деревенский, посмотри, что с землёй сделали! Ты вот почву изучаешь, смех да и только! Что ты можешь изучить отсюда, с семнадцатого этажа?

– Ну, ты, Александр не утрируй, не передёрживай! У меня институт, лаборатории...

– Инс-ти-ту- ут! – перебивает Александр. – Зе-м-ля-я нужна, чтоб ты её так, как надо изучил и не в пробирке, и даже не в ящике, а на поле. Пахать её надо, чтоб нюхом чуют землю, потом и мозолями знать её надо, матушку!

– Демагогия! – взрываюсь я. – Я не тракторист, а учёный, а на наших опытных участках есть и тракторы, и комбайны – всё есть.

– Всю науку вашу, Алёха, пора перестраивать, ведь до чего землю довели!

Мне хочется возразить ему, хотя в душе я понимаю, что прав он, тысячу раз прав, мой школьный товарищ. На недавнем совещании у министра сам об этом говорил. Конечно, не так яростно и бездоказательно, но суть одна – в науке о земле должны произойти большие изменения, иначе мы нашу корми-

лицу доведём до такого состояния, что она перестанет вообще что-нибудь рожать.

– Почему же сейчас пытаюсь возражать? Может потому, что стыдно? Вот тебе, простой деревенский мужик, пахарь, а открылось ему гораздо больше, чем мне, с учёной степенью. И я вдруг понял, в чём его превосходство. Я ему своими успехами хвалился, из кожи вон лез, вот, дескать, я какой, в Японии, в Германии да ещё бог весть где был, а ты приехал, деревенский пентюх, карточки ему показывал, безделушки всякие иностранные демонстрировал, а для него все эти мелочи неинтересны, эта мишура не для него, всё это мелко, ненужно.

– Да, ты, пожалуй прав, Саша, плохой из меня учёный получился! – без притворства говорю я.

– Но при чём здесь ты? – ещё больше удивляется мой собеседник. – Я же говорю о науке в целом, хотя ты тоже играешь в ней не последнюю роль... Вот и приехал я к тебе по поручению Марии Сергеевны. Поезжай, говорит, Иваныч к Алексею, уговори, он же свой, должен понять, а условия она обещала тебе создать...

– Какая Мария Сергеевна?.. Какие условия?.. Ничего не понимаю.

– Да Маша... Маша – это Мария Сергеевна, наш директор совхоза, а совхоз наш экспериментальный. На его базе создается институт земли

– Какой-какой?

– Институт земли. Спасать будем нашу землю от слишком ретивых земледельцев. Я назначен главным агрономом, но нам нужен знающий, инициативный специалист. Вот и подумали, кто же лучше тебя справится. Опять же деревня тебе не чужая. Так что предстоит настоящая творческая работа на земле. Посоветуйся с семьёй и недели через две дай нам ответ.

Александр давно уже спал в соседней комнате, а я всё ходил по кабинету, и разошедшийся паркет скрипел под моими ногами. Посоветуйся с семьёй... А советовать-то и не с кем. Жена умерла три года назад, сын вырос и сам занимается наукой, и в Москве меня давно ничего не держит.

Мне снился старый колодец, и я возле него. Из глубины тянет прохладой, от студенной воды зашлись зубы, но мне хорошо и спокойно, а сруб колодца стар и тёмн от времени.

В РАЗЛИВ

Фотоэтиюд Александра ФАРАНОВА